

2019 бр

А. Ланфранг

РАССКАЗЫ О САЛДАТСКОЙ СМЕКАЛКЕ

Цена 50 коп.

00

V.N. Karazin Kharkiv National University

00666114

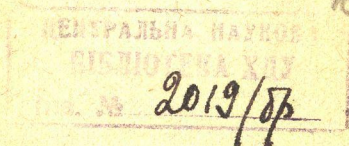
0

32B9

8c1

А. ЛАНФАНГ

РАССКАЗЫ
О СОЛДАТСКОЙ
СМЕКАЛКЕ

Проверено
ИНБ 1939

ГОСУДАРСТВЕННОЕ ИЗДАТЕЛЬСТВО
КАРЕЛО-ФИНСКОЙ ССР
1911

✓ 125

СОДЕРЖАНИЕ

Слава рядового Нартова	3
Оправдательный документ	6
Находка ефрейтора Полуянова	11
У проволочного заграждения	14
Музыкальная история	17
Конец „Чорта“	20

Редактор С. Сулимин

Подписано к печати 21 февраля 1944 г. Е—00438

Печати. листов 0,75 Учетно-авт. листов 0,9

Тираж 7000. Госиздат № 1. Заказ № 8

Государственная типография Тегозере

СЛАВА РЯДОВОГО НАРТОВА

Передний край обороны белофиннов был виден, как на ладони. Сквозь мелкий кустарник, весь изъеденный пулеметными очередями и разрывами мин, проступали изломанные линии окопов, траншей. Земля вокруг была изрыта, исполосована ходами сообщений, ямами. На этом участке в свое время славно поработали наши артиллеристы и минометчики, снайперы и пулеметчики. Немало фашистов осталось лежать и гнить здесь, удобряя карельскую землю.

Белофинны, пуще всего боясь огня советских снайперов, глубоко зарылись в землю и только ночами отваживались высовывать свой нос на поверхность. Продовольствие и боеприпасы они подвозили глубокой ночью. В темноте же во вражеских траншеях и блиндажах происходила смена постов, сюда же собирались их разведчики и снайперы. А с рассветом их окопы вновь казались вымершими.

Впереди наших окопов, по берегу узкой реки, тянулись ряды колючей проволоки, на которой болтались обрывки выцветшей материи — безмолвные свидетели происходивших здесь рукопашных боев, клочки бумаги, заброшенные ветром. Небольшая речушка была границей между нашими оксами и финскими. Она извивалась по долине и исчезала за небольшой сопкой.

Иногда к проволочным заграждениям подбирались белофинские разведчики, желая проникнуть в расположение нашей обороны и захватить «языка». Но бойцы боевого охранения отлично несли службу, и всякий раз белофинны вместо «языка» тащили на свою сторону своих убитых и раненых.

Звезд лейтенанта Иванова, занимавший оборону на этом участке, по количеству уничтоженных солдат и офицеров противника шел на первом месте в полку. Здесь особенно успешно работали снайперы.

И все же славу лучших стрелков затмил артиллерийский наблюдатель рядовой Нартов.

В одну из светлых ночей Нартов лежал впереди наших окопов и слышал возню в расположении врага. Затем все стихло. Нартов насторожился. Боец знал хорошо бандитские повадки фашистов.

— Скоро, видно, в разведку полезут, или их снайперы на охоту выйдут, — подумал Нартов, и вдруг на глазах у наблюдателя у самой траншеи стали вырастать маленькие кустики.

— Один... два... пять...! Вот так штука! — удивился боец и удвоил внимание, не спуская глаз с внезапно появившегося кустарника. Вскоре кусты начали медленно, поочередно передвигаться к проволочным заграждениям.

— Ишь ты, какие хитрые черти, — неплохо замаскировались, — подумал наблюдатель и улыбнулся своей догадке. Подготовив винтовку, он стал следить, что будет дальше. А кусты один за другим, как пешки на шахматной доске, переползали с места на место. Вот они уже у речки, потом перешли ее и показались на нашем берегу.

Занимательное это было зрелище — наблюдать ночью, как путешествуют кусты. Нартов даже пожалел, что нет с ним рядом товарищей, которым тоже было бы интересно взглянуть на комедию, разыгранную фашистами.

Уверенные, что их проделка не обнаружена, белофинны осмелели и завозились у кольев.

— Стрелять, — мелькнуло в голове у Нартова. Но он тотчас же опустил винтовку. Одного, двух убьешь, а остальные-то убегут. Нет! Врага надо проучить так, чтобы все остались здесь. Боец поставил прицел винтовки и стал выжидать. Наконец, один из вражеских разведчиков передал другому какой-то темный предмет. «Мина» — смекнул Нартов и выстрелил.

Грохот взрыва эхом разнесся в тиши ночи. Все пять вражеских солдат были разорваны в клочья

миной, которую они хотели заложить под проволочное заграждение.

— Вот это молодец! — говорят бойцы о Нартсве.

— Одной пулей сразу пятерых фашистов на тот свет отправил.

ОПРАВДАТЕЛЬНЫЙ ДОКУМЕНТ

По одной из фронтовых дорог шел в свою часть, возвращаясь из отпуска, сержант Секирин. Он спешил — идти ему еще далеко, а отпуск кончался утром следующего дня. Хоть и короток у него был отпуск, а соскучился он по своим друзьям. Шутка ли, больше года воевали вместе в этих карельских лесах, вместе делили хлеб и махорку, вместе ходили в атаку. Словом, все было пополам — и радости и печали.

При мысли о предстоящей встрече сержант ускорял шаги. Но дорога была скверная. Весенние воды гремели в оврагах, текли по дороге и превратили ее в сплошное месиво. Редкие в этот час дня автомашины шли тяжело нагруженными. Усталые шоферы не хотели останавливаться на такой дороге ради одинокого попутчика.

Секирин вначале ругал шоферов за их бездушное отношение к человеку, а затем злость его улеглась. Он шел быстро, и километр за километром оставался позади.

Но когда наступили сумерки, путник понял, что сегодня ему уже не попасть к своим. Надо

было подумать о ночлеге, чтобы рано утром продолжать путь. И он свернул с дороги, чтобы напрямик выйти к ближайшему поселку. А от поселка до своего места — рукой подать.

Шел Секирин, размялся и не заметил, как с обочины в придорожные кусты шмыгнули две фигуры. И только поравнялся он с этими кустами, как прогремели один за другим три выстрела, и пуля обожгла щеку.

Секирин рывком бросился в канаву и плюхнулся прямо в воду. А из кустов вновь выстрелили, и пули просвистели совсем рядом.

— Наверное, диверсанты или разведчики вражеские, — подумал сержант. В трудном положении он оказался. На ремне у него был нож, а рядом в канаве он приметил здоровенную дубину. Вот и все его оружие.

Стало совсем темно. На дороге не появлялись ни прохожие, ни автомашины. Хотел было Секирин воспользоваться темнотой и уползти, да солдатская гордость в нем заговорила.

— Если враг не бросился на меня, а из-за куста стреляет, значит, он думает, что и у меня есть оружие, — решил Секирин. Схватил он в руки дубинку, повернул ее в сторону кустов (в темноте-то не видно было, что у него в руках) и закричал:

— Стой! Стрелять буду!

Выстрелы прекратились. Сержант вновь закричал, да таким страшным голосом, что самому ста-

ло жутко. В кустах зашумело и по затихающему постепенно треску веток Секирин понял, что враг уходит.

Сержант был солдатом неробкого десятка. К тому же он понимал, что нельзя дать уйти фашисту, — много бед он может натворить здесь, в тылу. Не думая об опасности, он бросился в погоню.

Где ползком, а где перебегая от дерева к дереву, Секирин преследовал упорно невидимого врага. А тот отходил все глубже и глубже в лес.

На одной из полянок сержант рассмотрел, наконец, два силуэта. Фашисты остановились и он услышал чужую речь.

— Вот попал, так попал, — огорчился Секирин. — Их оказывается двое, а я один, они с оружием, а я с палкой. — Жутко стало сержанту. — Убьют, — мелькнула мысль, — и никто не узнает, где сгинул сержант Секирин. — Однако взял себя в руки, — упускать противника было нельзя. Поговорили враги, отдохнули немного и опять медленно двинулись в путь, пробираясь сквозь кусты и обходя низины. Секирин — за ними. Те остановятся, сядут, а он из-за деревьев наблюдает, поднимутся вновь, — и Секирин следом.

Перед рассветом, когда фашисты свалились у кустов, сержант тоже прилег и почувствовал вдруг, что он сильно устал.

Возбуждение, вызванное этим неожиданным происшествием на фронтовой дороге, прошло. Секирин вспомнил, что и отпуск у него уже закон-

тился. Чего доброго, еще сочтут дезертиром. Тот разговор сейчас в роте! И от этих дум Секирин даже приподнялся. Но взглянул еще раз в сторону лежащих бандитов и понял: не может он уйти, не может бросить начатое преследование.

Фашисты, видимо, выбились из сил. И решили дать себе длительный отдых. Один, у которого была обвязана тряпкой голова, лежал сейчас, широко раскинув руки, а второй сидел рядом с пистолетом в руке.

— Эх! — подумал Секирин, — хоть бы какое ни на есть скверное ружьишко мне. Разговор с вами, гады, был бы тогда короткий! — Но о ружье можно было лишь мечтать, а вот у врага в руке был пистолет. Поди-ка, сунься, — враз застрелит!

А место кругом было глухое. Только звуки отдаленных оружейных раскатов, которые изредка доносил ветер, напоминали о фронте.

Прошло еще немного времени. И то ли от тишины, то ли от большой усталости, только не выдержал бандит, который держал пистолет и тоже крепко заснул.

И тогда сержант решился. Он еще раз осмотрелся, затем осторожно подполз и ударил задремавшего бандита ножом. Тот даже не вскрикнул. Секирин отобрал у него пистолет и бросился к спящему. Этот был раненый, с кровавой тряпкой на голове.

Вид убитого и этого спавшего гитлеровца был

страшен. Заросшие лица, грязные и изорванные комбинезоны говорили о том, что бродяжничали они не один день. Решил сержант не убивать пленника, а захватить его живым и доставить командиру подразделения.

Он вынул у спящего бандита пистолет из кобуры и растолкал его. Бандит очнулся и долго не мог сообразить, что с ним случилось. Секирин заставил его подняться и повел его туда, где гремели орудия.

Вечером командиру батальона капитану Нестеренко доложили, что у входа в землянку стоит сержант и задержанный им немец.

Капитан вышел. Сержант отрапортовал:

— Товарищ капитан, сержант Секирин вверенного вам батальона вернулся из отпуска с запозданием. Вот, — и боец ткнул рукой в сторону своего пленника, — из-за фрица опоздал...

Сержант не знал, что три дня тому назад недалеко от передовой линии фронта был сбит немецкий самолет.

Самолет нашли за соседней сопкой. Внимательно осмотрели. В стороне лежал труп немецкого летчика. Остальные же члены экипажа исчезли. Их искали, но безрезультатно.

Немец, взятый в плен Секириным, показал на допросе, что он, штурман сбитого самолета, и радист пробирались в расположение своих войск, но заблудились. Сержанта хотели убить, рассчитывая найти у него продукты. Поняв, что это не удалось

и боясь преследования, они бежали в лесную чащу.

Секирин получил разрешение итти к себе в роту. Командиру роты капитан Нестеренко позвонил и сказал, что сержант Секирин в оправдание своего опоздания представил лично ему документ, что документ очень хорош и что командиру полка, которому капитан доложил о происшедшем, документ тоже понравился.

НАХОДКА ЕФРЕЙТОРА ПОЛУЯНОВА

— Было это в прошлом году, — начал свой рассказ сержант. — Получила наша рота задание — выбить немца из деревни Васильки. Пошли мы. И прямо скажу, — горячо пришлось. Но с заданием мы все же справились. Побили фрицев с сотню, но еще больше они сами себя в тот день перебили. Случилось же это так...

Сержант прервал рассказ, неторопливо закурил и затем продолжил:

— Трудный, конечно, был бой. И нашего народа тут порядком полегло. Так вот, кончили и ждем приказа итти дальше. А надо сказать, что недалеко от Васильков, так в сторонке, еще одна деревня была. Немцы там были. Бойцы и говорят: «Не иначе, как нам и ее сегодня брать». У немца в той деревне, видать, много силы. Уж больно здорово он бил, прикрывая своих, когда мы ходили к деревне. Орудия, минометы у него там, а может и танки.

Сержант говорил не спеша, часто затягиваясь папиросой. А вокруг него молодежь, — только сегодня на пополнение в роту пришла. Сидели они рядышком и, не отрываясь, смотрели на сержанта, слушали внимательно.

Сержант Серегин на войне уже два года с лишним. Дважды был ранен, поправился и опять приехал воевать. Знал он много интересных историй. Любил в кругу боевых друзей посидеть, поговорить и о домашних делах, и о занятых случаях на войне, о боях, в которых пришлось участвовать.

— Так вот, — продолжал Серегин. — Выбили мы немца, заняли оборону, а потом кто курить начал, кто портянки стал перематывать. Только слышим, наблюдатели вдруг закричали: «Воздух!» — Немецкая авиация, значит, появилась. Подготовились открыть огонь. А самолеты, подойдя к нам, развернулись и стали бросать бомбы по соседней деревне, туда, где немцы. Вначале мы даже не поняли — не наши ли это самолеты? Нет! На крыльях кресты. Вот те и раз! Свои своих бьют!

Рассказчик выжидательно поглядел на слушателей. Те придвинулись еще ближе к сержанту, торопят, всем не терпится узнать: что же дальше?

— А произошло вот что. Был в нашей роте разведчик ефрейтор Полуянов. Разведку он любил и часто фрицев живых приводил. И очень его наши офицеры уважали. Сам командир полка к себе, когда надо, вызывал и давал задания. Отме-

чали разведчика, — орден и медаль ему дали. Самый знатный солдат у нас был.

Этот самый Полуянов, когда бой за деревню шёл, на другой околице с дружками орудовал. Фрицы бегут, а они на выбор их быют. Геройский мужик!

Когда выбили немцев, разведчики нашли сигнальное полотнище, метров в двадцать, со свастикой на середине. Разложил Полуянов находку на траву. Посмотрел — подходящая штука! А в это самое время — самолеты немецкие. Быстро смекнул разведчик, что нужно сделать: взял, да на полотнище выложил стрелку направлением на деревню, где немцы. Положил, а сам ждет. Что бы выдумали? Немецкие летчики поняли по-своему. — Здесь, мол, в Васильках немцы, а русские в другой. Как раз наоборот! И давай бросать бомбы на своих. После, как деревню взяли, так фрицев и орудий битых увидели — пропасть...

Сержант закончил рассказ. Лица красноармейцев сияли от удовольствия.

Рассказ сержанта понравился. Бойцы шумно обсуждали этот случай, хвалили ефрейтора.

— Вот какие дела бывают на войне, — сказал в заключение Серегин. — Известно, конечно, что наш русский солдат хитрее немца. Вам, ребята, это дело учесть надо. Никогда не плошай! На войне всему учиться надо. А научишься — умным станешь и немца обманешь.

У ПРОВОЛОЧНОГО ЗАГРАЖДЕНИЯ

Разведчикам лейтенанта Сухарева в последнее время явно не везет. Вот уже неделя, как они не могут добыть «языка».

Лейтенант не был новичком в разведке, об этом свидетельствуют два ордена на его гимнастерке. Это смелый и решительный офицер, любимец взвода. С ним бойцы уверенно чувствуют себя в самых сложных рейдах в тылу противника. Лейтенант отлично изучил повадки врага, и белофинны боятся его имени. Тем досаднее были последние неудачи разведчиков.

Всегда веселые и оживленные, бойцы приутихли. В землянках разведчиков не слышно обычных шуток и песен. Бойцы придирчиво осматривали оружие, делились соображениями о том, как же все-таки проникнуть к противнику и захватить контрольного пленного.

По сведениям начштаба у противника в последние дни произошли какие-то перемены. «Язык» требовался во что бы то ни стало, и Сухарев обязан был добыть его любой ценой.

Лейтенант думал и передумывал, разрабатывал всевозможные планы, советовался со своими помощниками. Они перебрали все приманки, на которые раньше «клевали» белофинны, но остановиться на чем-либо определенном не могли — старые приманки теперь были явно непригодными. Манергеймовцы за последнее время сильно укрепили

свою оборону и по малейшему поводу, а часто и без всякого повода открывали бешеный огонь.

Под утро одного из таких невеселых для разведчиков дней, в накуренную донельзя землянку командира срочно вызвали сержанта Серова. После разговора с ним Сухарев пошел к начальнику штаба и подробно изложил ему свой план.

Взвод выступил днем. Сначала разведчики сидели в траншеях, наблюдая за противником. Так прошло полсутки. Когда стемнело, наши разведчики вылезли из окопов и скрылись в темноте.

Прошло полчаса, час. Белофинны стали непрерывно жечь ракеты, но местность оставалась пустынной. Потом раздался сильный взрыв, послышались громкие стоны и крики о помощи. Фашистские окопы ожили. Со всех сторон затарахтели пулеметы, послышались хлопки мин, затрещали автоматы.

С рассветом стрельба утихла. Теперь все обратили внимание на стоны — где-то у самой проволоки, развороченной взрывом, лежал раненый и время от времени звал на помощь. Так прошел день. К вечеру раненый, видимо, сильно ослаб. Стоны доносились все реже и реже.

С наступлением темноты, у проволочного заграждения произошло что-то непонятное. Там раздалось проклятие, выстрелы, послышался шум борьбы.

Вскоре в наши окопы возвратились разведчики. Они притащили с собой охапки оружия и приво-

локли связанного по рукам и ногам рыжеволосого финского солдата, дрожавшего, как в лихорадке.

А еще через час лейтенант Сухарев стоял перед начштаба и докладывал:

— Подойдя к проволочному заграждению и углубив воронку, мы замаскировались. Серов отполз в сторону и стал шарить на минном поле, затем он подорвал одну мину и начал изображать «раненого». За день он так накричался, — тут лейтенант не мог удержаться от улыбки, — что ребята мои испугались — уж больно жалобно у него получалось...

Поглядывая на пленника, лейтенант продолжал рассказывать:

— Вечером мы услышали шорохи и поняли, что к нам ползет много людей. Словом, все шло, как полагается. Когда же маннергеймовцы оказались совсем близко от Серова, он, для приличия издав еще один стон, дал очередь из автомата. Мы его поддержали.

— Этого вот, — лейтенант кивнул на — «языка» — за ногу схватил Серов, когда уцелевшие белофинны бросились наутек...

На рассвете наши наблюдатели насчитали у проволочного заграждения 18 вражеских трупов.

Это была цена, которую фашисты уплатили за свое любопытство.

Так разведчики лейтенанта Сухарева выполнили задание по захвату «языка».

МУЗЫКАЛЬНАЯ ИСТОРИЯ

Сержант Спирин до войны был первой скрипкой в небольшом оркестре, увеселявшем между сеансами посетителей кинотеатра «Волна». Свою профессию он любил и считал, что лучшего музыкального инструмента, чем скрипка, не существует в мире. Каждый вечер Спирин играл перед нетерпеливыми посетителями кино. Жители города хотя и усердно посещали киносеансы, но на оркестр смотрели, как на принудительный ассортимент. Такое отношение к искусству огорчало Спирина, и он мечтал играть в симфоническом оркестре. С начала военных действий музыкант был зачислен в саперные части.

Современем Спирин отлично овладел своей новой профессией сапера. Он справлялся с финскими и немецкими «сюрпризами» так ловко, что работой его любовались не только стрелки, но и товарищи по роте.

Тяжелый солдатский труд отнимал много времени у сапера. Но музыкант в нем сказывался. В свободный вечер он обязательно играл на скрипке, и небольшая землянка тогда набивалась доотказа бойцами. В подразделении все уважали музыку.

Иногда Спирин играл подряд часами. У него были любимые произведения. Он знал на память произведения известных композиторов. Чаще всего он исполнял популярные отрывки из оперетт. Исполнял он их с чувством, и слушатели сидели,

как зачарованные. Бывало и так: в погожий вечер бойцы затают песню, а Спирина возьмет скрипку. В небольшом и дружном хоре скрипка играла ведущую роль.

Услышали финны игру Спирина. Наши бойцы в своем охранении стали замечать, что и у противника появился свой музыкант, стал исполнять те же произведения, что и Спирина.

Сказали об этом сержанту. Тот посидел с бойцами в охранении и сказал, что белофинн играет на флейте. Только музыка была нудная. Больше всего белофинский музыкант тянул тоскливые мелодии. Что и говорить, — невеселая жизнь у финнов.

О вражеском музыканте доложили офицерам! Те посмеялись и решили воспользоваться удобным случаем. Командир разведчиков получил по этому поводу боевое задание, разработал план. Привлекли к делу и Спирина. В один из осенних вечеров пришел наш сапер в окопы и заиграл на скрипке.

В окопах у противника было тихо, видимо, там слушали музыку. А когда Спирина заиграл старинный вальс Чайковского, из финского окопа донеслись звуки флейты — финн стал подыгрывать. И хотя музыканты находились довольно далеко друг от друга, временами игра сплеталась в дуэт. Будь русский и финн еще ближе друг к другу, дело пошло бы совсем на лад.

Концерты продолжались. Но иногда Спирина приходилось выступать одному.

В наряде твой напарник, — острили бойцы. — Или сфигер поблизости, — говорили другие. Один раз белофинн так осмелел, что незаметно переполз через бруствер и замаскировался от нас совсем близко. Концерт в этот день удался на славу.

Время шло. Дни становились все короче и «музыкальные сеансы», как говорил в роте, проходили теперь в полной темноте. Пользуясь тем, что солдаты противника увлеклись музыкой, наши бойцы не зевали. Только начнет Спирин играть, а уж саперы и разведчики орудуют под носом у противника, вытаскивают вражеские мины, закладывают всевозможные «сюрпризы», усиливают подходы к своей обороне. Хорошо использовали это время и снайперы. Они устроили ряд огневых позиций, откуда хорошо просматривалась вся система обороны противника.

Кончилась эта музыкальная история так же неожиданно, как и началась.

В одну из ночей состоялся заключительный концерт. К этому дню вся подготовка была уже закончена. Как только флейтист увлекся, к вражеским траншеям полезли разведчики. Спирин старался во всю. Скрипка его сегодня звучала особенно хорошо в ночной тишине, и под ее звуки наши бойцы приблизились к фнну.

Когда музыка Спирина закончилась, разведчики уже приволокли белофинского музыканта в тран-

шею. Ловко было сработано! Только через час белофинны поняли, что их незадачливый музыкант оказался у нас.

С этого случая сержант Спирин стал пользоваться у себя в роте еще большим авторитетом.

Так в руках сметливого бойца и скрипка стала боевым оружием. Недаром говорит солдатская поговорка — чем сподручнее, тем и бей врага.

КОНЕЦ «ЧОРТА»

Немецкий дзот, о котором пойдет речь в этом рассказе, вдавался уступом в линию нашей оборонной. Прикрываемый с флангов другими огневыми точками противника, он доставлял нам много беспокойства. По каждому поводу, а чаще всего без всякого повода, немцы из этого дзота поливали огнем наши окопы.

Несколько раз огневую точку пытались уничтожить артиллеристы, да все неудачно — местность не позволяла. В батальоне, в полку этот дзот прозвали «чортом». Кто и когда дал такое прозвище немецкой огневой точке — неизвестно, но «чорта» знали все. Постепенно это название узаконилось и перекечовало на карты всех командиров.

Местность вокруг «чорта» — гористая. И дзот словно врос в одну из сопок, у ее подножья. Известно было, что дзот имел четыре амбразуры, что гарнизон его составляли отъявленные головорезы, которых немецкое командование посылало сюда за разные провинности.

В конце концов вопрос об уничтожении «чорта» стал вопросом чести батальона. И однако, хотя о «чорте» говорили много, и изобретали различные способы его ликвидации, но все было напрасно: дзот стоял, и нельзя было головы поднять, чтобы тотчас из него не началась стрельба.

Наступила зима. Сопки покрылись снеговым ковром, сгладились острые углы скал. Заядлые спортсмены батальона каждую свободную минуту использовали для тренировок и катания на лыжах. В одну из таких прогулок и родилась мысль у сержанта Уралова и его неизменных соперников за первое место в полку по лыжам — ефрейтора Петрова и красноармейца Яшина — об оригинальном способе уничтожения «чорта». Приятели попросили разрешения у своего командира обратиться по этому вопросу к комбату. Тот выслушал, ободрил, но запретил кому бы то ни было говорить о новом плане, — слишком много планов уже провалилось. Уралова и его соратников по специальному указанию комбата освободили от нарядов, и они занялись подготовкой осуществления своего плана. Лыжники с утра уходили в тыл и к вечеру возвращались веселыми и довольными.

Наконец подготовка закончилась. Еще до рассвета друзья, сопровождаемые пожеланиями удача всех обитателей своей землянки, двинулись в путь. Вскоре они достигли линии боевого охранения и ползком, волоча за собой лыжи с большим грузом взрывчатки, проникли на небольшую сопку на фланге противника. Сопка хорошо просматривалась нами и немцами. Поэтому здесь никогда никого не

было. Притаясь в снежном окопчике, бойцы еще раз проверили свое приспособление.

Рассвет наступал медленно. Неожиданно тишину разорвали пулеметные очереди из наших окопов. Фрицы, сидящие в дзоте, немедленно стали отвечать огнем из всех амбразур. Вспышки пулеметных очередей хорошо обозначили немецкий дзот. Этим ориентиром и воспользовались с соседней сопки. В полумраке с сопки скользнул какой-то большой темный предмет и с нарастающей скоростью понесся на дзот. Прошло не больше 25 секунд, как этот предмет натолкнулся на дзот. Раздался оглушительный взрыв. Встревоженные фрицы открыли стрельбу по всей линии обороны. Наши из окопов не отвечали и с нетерпением ждали наступления утра. А когда стало совсем светло, бойцы и офицеры увидели: на месте немецкой огневой точки валялись развороченные взрывом бревна и камни. «Чорт» вместе с фашистскими потрохами перестал существовать.

Как же смекалистые бойцы взорвали дзот? Дюгадка возникла во время приключения с Ураловым. Готовясь съехать на лыжах с горы, сержант случайно выпустил одну из своих лыж. Та стремительно соскользнула вниз и ударилась в далеко лежащий под горой камень. Вот тогда то и была определена судьба «чорта». Во время тренировок бойцы связывали вместе две лыжи и привязывали к ним тяжелый камень. Лыжи с тяжелым грузом летели с горы в нужном направлении. Занятия происходили

на сопке, похожей на ту, с которой им предстояло действовать. Все было заранее очень точно рассчитано.

На фашистский дзот Уралов спустил лыжи с большим запасом взрывчатки. Перед спуском своей «горной лавины», бойцы подожгли бикфордов шнур, и шнур горел ровно столько, сколько понадобилось для того, чтобы лыжи достигли «чорта».

